

Паутина

Автор:

Дарья Перунова

Паутина

Дарья Перунова

Действие происходит в современном мегаполисе. Главной героине Кате 17 лет. Эта девушка с внутренним личностным стержнем, со склонностью к рефлексии, сомнениям, душевным переживаниям и стремлению докопаться до сути. Она заканчивает 10-й класс. Впереди – каникулы, солнце, счастье. Но один день меняет всё. Просмотренный однажды фильм запускает страшное зло в её душу. Эпизодически она оказывается подвержена влиянию неких истлевших теней, отвратительных двойников, ментального зла. В попытках освободиться она всё больше запутывается, душа её блуждает по лабиринтам подсознания, страдает, пока не обретёт прозрение и целительную опору, дающую ей силу.

Дарья Перунова

Паутина

Мама с папой стоят у двери. И, кажется, в глазах папы теплится некая лукавая искорка, он, слегка отворачиваясь, прячет свою улыбку Чеширского Кота. Догадывается, какой у нас здесь начнётся дебош с моей подружкой Янкой, как только за ними закроется дверь. Они уходят к Вере Николаевне, маминой подруге, у которой соберутся «нужные люди».

Мама как-то по-особенному хрупка. Её фарфоровая кожа с роскошными смоляными от природы бровями всегда меня впечатляет, а сегодня она просто

светится. Стоя уже на пороге, мама всё медлит. Её легкое изумрудное бледно-зеленое платье, совсем летнее, очень идёт к её тёмным волосам, но что-то всё-таки её, видимо, не устраивает. Она одёргивает перед зеркалом свой наряд, пытаюсь разгладить заметные ей одной мифические складки, поправляет причёску, теребя отдельные завитки своего короткого волнистого каре, и как бы в раздумье потирает тонкую шею. Свет бра стекает на эти растерянные движения не в силах погасить сомнений. Поворот головы к папе, и – ее полуночный блеск глаз оживает радостью и наполняется папиной уверенностью.

А папа всегда уверен и спокоен. Его ладная фигура излучает прочную стабильность. В нём в сравнении с мамой всё – наоборот: он светловолос, крепок, надёжен, устойчив, энергичен. Ясность мышления никогда не изменяет ему. Сейчас он успокаивающе приобнял маму и мягко, но настойчиво развернул к выходу под её воркующий смех.

Едва захлопнулась за ними дверь, как мы с Янкой бросились на кухню. Здесь не так давно был сделан ремонт, что превратило это охламо?нское помещение в черно-хромированное царство с особой стильной мрачностью. Янку восхищает эта торжественная чернота – в противоположность повсеместному заурядному бе?жу.

Мы щёлкаем замком темного шкафа-бара с зеркальным отражением серебристой отделки. Папа словно бы случайно не запер его. И нашим дорвавшимся взорам предстало хрустальное изящество бокалов, бутылок всех форм и цветов, запестрело в глазах от этикеток.

Вот она, свобода. Заканчиваем десятый класс. Впереди лето, а ЕГЭ только на следующий год. Сегодня же всего лишь второе мая 2013 года, и мне исполнилось семнадцать!

Мы нарядные. Янка сверкает и пайетками, и рыжими непослушными волосами. Я тоже в кои-то веки в честь дня рождения решила натянуть что-нибудь поженственнее джинсов, так-то, обычно, я не очень до такого охоча – с моей-то невнятной внешностью. Но сегодня на мне очень простое, минималистичное красное платье – люблю красный цвет! – из льна, свободного кроя. Вроде неплохо смотрится. А Янка так, вообще, считает, что только в это цвет мне и

надо одеваться, он, по её словам, подходит моей якобы «протестной» натуре. В чём я далеко не уверена. Да и ладно, главное красный мне нравится, он для меня связан с революцией, переменами, приходом чего-то нового, рубежного, на него откликается моя душа. Короче говоря, мы припардились.

Ну а теперь можно и оторваться! Янка и так долго томилась у меня в комнате в ожидании этого момента нашей тайной дегустации текилы и мохито, но родители все никак не уходили. Наконец-то, текила стала возможной, хоть и через добрых три часа.

Я хотела всё культурно, не торопясь, а подруга, вот ведь рыжая бестия, глотнула прямо из горлышка и, чуть не задохнувшись от остановки дыхания, такой неожиданной крепости оказался продукт, – сморщилась и сипловатым шёпотом выдохнула с видом знатока:

– Палё-ё-ёнка-а...

Всё же пытаюсь облагородить наш фуршет,ставляю креманки под мороженое, разные бокалы. Нарезаю дольками лимоны, апельсины, яблоки, посыпаю их корицей с сахаром. Обмакиваю в сахар края узких бокалов – подсмотрела, так делалось у нас, когда были гости. Потом создаю очумительное булька?нто в прозрачный сосуд.

И уговариваю мою торопыгу:

– Возьми... Только чуть потягивай, медленно... Янка, ну ты же не можешь хлебать, как корова.

Любопытно отведать взрослой жизни. В городе же нас ни в один бар не пускают – нам, видите ли, нет восемнадцати. Вот бюрократы чертовы! Яна, смеясь, даёт этому своё объяснение:

– Это всё из-за тебя, Катька. Ты маленькая.

Я и вправду, как назло, ростом не вышла и выгляжу младше своих лет, а Янка – дылда, ну просто верста коломенская.

Попробовав текилы, затем мохито, её потянуло к бо?льшему разнообразию. Эту безба?шенную экстремалку вдруг взманил абсент, тяжелая такая прямоугольная бутыллица с зеленой жидкостью. По мне так, цвет очень напоминает препротивный тархун. Но какая же вокруг этого злосчастливого абсента легенда! Его, оказывается, пивали непризнанные художники и отверженные гении с Монмартра! Надо же, как поэтично!

Яна и я – точно сороки. Наш глаз услаждает и желтизна лимончелло, и пузатый виски с наклейкой под шотландский плед, но последний слишком горек на наш вкус. Мы все же останавливаемся на ликёре лимончелло...

Мой день рождения для меня всегда – предвкушение свободы и радости наступающего лета, когда можно схватить электросамокат и лететь в смеющихся солнечных бликах, самой стать как бы невесомой вспышкой солнца, раствориться в ветерке, в состоянии бестелесного, легкого, беззаботного веселья.

Но в этот раз, кроме ожидаемого предстоящего лета, ещё и четвёртое мая обещает небольшое веселье, хоть и совсем в ином смысле. Намечается своего рода развлечение – поучаствовать в зрительской массовке на съёмках некоего дурацкого телешоу а ля Малахов. Странно, вроде и понимаешь тупизм и беспонтовость подобного действия, а все равно чувствуешь себя как бы в центре «светской» тусни?.

В качестве одного из героев этого ток-шоу приглашена мамина лучшая подруга – Вера Николаевна, она и позвала на зрительские трибуны в студии нас с мамой. Мамину подругу я обожаю. В свои сорок она легко сойдёт за двадцатипятилетнюю миловидную пухляшку с ладно скроенной фигуркой. И при этом успешный психолог-коуч. Собирает на свои семинары и мастер-классы, так сказать, стадионы. Частенько и меня психологически поддерживает.

Тема шоу с участием Веры Николаевны, конечно, дичайшая – о влиянии РПЦ на нашу жизнь. И предстоит ей дискутировать – с настоящим батюшкой. Воображаю себе эту картинку!

Я, потягивая холодный ликёрчик, выкладываю Янке про шоу и предлагаю ей со мной вместе полюбоваться на этот фарс, за компанию. В ответ в загоревшемся буйном огне её глаз пляшут чёртики, она сардонически хохочет: лицеизреть воочию страсти телевизионного ша?баша ей по нутру.

Её активная натура уже сейчас требует выхода застоявшейся энергии. Полная куража, она свой наполненный янтарным маслянистым мерцанием бокал подносит к свету нашей включённой умопомрачительной сферической плетёной люстре, немного раскручивает ее легкий шар и чуть отталкивает – и тут всё вокруг начинает адски играть светотенью, вертеться, крутиться, словно в дискотечном чаду, только не мерцающими искрами, а тёмными полосами. Лицо у Янки тоже покрывается такой зеброй, по нему ползут тени. Она начинает, вихляясь, быстро кружиться в своих ядовито-желтых лаковых лосинах, с которыми как-то двусмысленно смотрятся объёмные мохнатые домашние тапки с головой Микки Мауса. Словно бы с бедного Микки сняли шкурку, принеся магическое жертвоприношение, и натянули на ноги.

– Кать, а этот батюшка будет... исповедовать ее грехи? – ломаясь в своём шальном танце, прика?львается она.

– Ну твои-то точно бы не помешало.

И добавляю, стараясь не обнаруживать слишком явно свой сарказм:

– В этих ток-шоу все продумано. Вера Николаевна по сценарию должна будет, как Раскольников, бухнуться на?земь перед честны?м народом, поклониться на все четыре стороны и покаяться... Затем занавес...

– М-да-а-а, – с иронией подхватывает Янка, – эффектно, ничего не скажешь.

– Зрелищно, – поддакиваю я в том же духе, – Вера Николаевна человек понимающий. Раз «малаховский» контингент любит такой цирк, она подарит лохам такое шоу, какого они жаждут.

И вот наступает четвёртое мая. Я дожидаясь Янку и маму в торговом центре в мамином магазинчике. Отсюда вместе поедём на телешоу. На душе легко, почти празднично, и точно, скоро ведь 9 Мая.

На улице неожиданная жарынь, двадцать пять градусов. Чудесное вездесущее солнце. Даже в нашей школе все окна были распахнуты. Из окон класса виден школьный двор – он довольно ухожен, с чудом сохранившимися среди детского вандализма рядами уже расцветающих яблонь. В такие погожие солнечные деньки коридоры, омытые свежим воздухом, кажутся опрятными и просторными. Голоса пухлощёких первоклашек. Смешные молочные котята. Смотрю на них с высоты своих семнадцати и кажусь себе древней бабцо?й.

Неподалёку от школы мы купили квартиру три года назад. Нам повезло. Раньше я целый час добиралась на занятия, а сейчас – всё рядом. И в этом районе дома новые, совсем близко есть торговый центр, куда при желании с уроков можно сбежать в кино. Тут же лаунж-кафе, вчера уже заработала открытая веранда. И ее сразу же захватили стайки тощих длинных девиц. Они прохлаждаются. Проваливаются в широких мягких креслах. Едят, как колибри, – пару веточек, пару ягодок. Смакуют коктейли, держа бокалы худенькими лапками. Сверкают узкими запястьями. Это напомнило мне недавно виденный фильм «Мемуары гейши», где старая гейша учила молодую красиво показывать свои запястья для завлечения противоположного пола...

Итак, я в торговом центре. Это четырёхэтажное пространство в виде просторного сквозного колодца-атриума, устремлённого вверх вдоль всей высоты здания к светопрозрачному шатру крыши. Мне нравится, что сразу с нижнего уровня открывается круговой обзор на панорамные застеклённые кабинки бесшумных лифтов, на торговые галереи с эскалаторами, светлыми коридорами, площадками для отдыха, сверкающими соблазнами витринами и лёгкими мостиками переходов. Сколько ж тут всякого – манящего, зазывающего, провоцирующего меня оставить здесь денежки, которые мне иногда дают родители на карманные расходы, или же, не так часто, на шопинг: всякая развлекаловка, киношка, ледовый каток, боулинг, фитнес-центр, кофейни, кстати, бывают и лекции... Сияющее, бликующее многосветием нарядное пространство рождает у меня чувство какого-то драйва от всего этого многообразия товаров, света, воздуха. И чувство необъяснимой свободы и беспечности.

Здесь множество людей. Разных. И так интересно наблюдать за ними. Гораздо более увлекательно, чем рассматривать, например, недвижимые экспонаты в тихом музее с призывающими к порядку чинными смотрительницами в белых кружевных воротничках. С театром это, конечно, не поспорит, но тут тоже присутствуют свои моменты театральности, на которые можно смотреть, наблюдать, и в таком наблюдении, прежде всего, за спонтанными проявлениями обычных людей, занятых ритуалом шопинга, есть свой кайф – они натуральные, не придуманные сценаристом и режиссёром, и в них, бывает, просвечивает их жизненная история.

Я частенько здесь бываю, могу с закрытыми глазами попасть в мамин бутик модной женской одежды на втором этаже. В нём мягкая цветовая палитра стен в пастельных охристых тонах. Лаконичный интерьер. Эффектное освещение. Оно продумано так, чтобы в центральной части торгового зала с потолка свисала изысканная ретро-люстра – мамина гордость. И она своим светом должна выделить под ней фигуры стильных манекенов на подиуме, стоящих-сидящих группами, одетых в наряды под 1950-е. Манекены, по маминой задумке, призваны задавать определенную атмосферу и стиль её магазинчика. Маме не откажешь в творческом подходе. Мне также нравится, как на рейлах и отдельных плечиках оживают платья, блузки – благодаря специальной развеске, имитирующей движение, и подходящему настроенческому реквизиту рядом. А прозрачные полки, подсвеченные снизу, поддерживают этот эффект всякими милыми аксессуарными штучками. У одной из стен – небольшой дизайнерский диванчик на тонких ножках, кое-где виднеются пуфы из замши. Специфическую нотку в помещение приносят большие, до самого паркета, зеркала в строгих черных рамах со слегка скруглёнными уголками. И огромная черно-белая фотография в кассовой зоне – улыбающейся Одри Хепберн с её неподражаемыми распахнутыми глазами милого оленёнка.

Я человек совершенно не деловой, в маркетинге, да и в бизнесе в целом, ни бум-бум, но интерьер, думаю, вполне располагает к тому, чтоб в него хотелось заглянуть.

Мама недовольна отдачей от своего магазина. Она ведь человек 1990-х, для нее, как и для многих в то время, бизнес – это что-то вроде золотой рыбки из сказки с набором исполняемых желаний. Эта рыбка должна была бы принести ей миллионы, а приносит какую-то ма?лость, по её словам. Существенную часть съедает аренда. Весь товар по маминому вкусу доставляется из Милана, много

винтажных вещей. Выходит недёшево.

Пока я в магазине, покупателей крайне мало. За час заглянуло лишь пара-тройка женщин. Болтаю с Жанной, маминой продавщицей. Жанна – высокая, прожаренная в солярии брюнетка. Люблю наблюдать ее в деле.

Вот как раз входит немного скованный от неестественной псевдоинтеллигентности губастый толстяк со скудным опушением головы, раздутыми и в испарине щеками. Но его костюм светло-бежевого цвета хорошо сидит и неплохо сидит на нем. Жанна своим наметанным глазом уже всё успела заметить и оценить. Она тут же выдвигается на боевые позиции. Начинает мырлыкающими интонациями подбадривать платёжеспособного клиента, стараясь обратить его из простого посетителя в заинтересованного покупателя, приподнимая по ходу его пока что неуверенных реплик то одну сочно нафабренную бровь, то другую. Ее смуглые приятной округлости руки так и порхают, распахивая стилизованные под винтаж шкафчики и вынимая оттуда натурального шёлка вещи. При её годами выработанной профессиональной подаче лёгкие платья эффектно вспениваются и медленно красиво опадают на прилавки. Потный мордашка слегка заморочен и озадачен. Я же со скуки придумываю себе, что платье он приглядывает не в подарок стареющей жене, а для того чтоб покруче обставить бутафорию своих шашней со смазливенькой дурой-секретаршей в собственном офисе... В завершение Жанна ловко укладывает выбранное тончайшее шифоновое платье в красивую розовую коробку и сверху перевязывает узкой лентой. Покупатель, обласканный, удовлетворенный, уходит с конфузливой улыбкой на лоснящемся лице.

Мне как до небес до Жанниного точно рассчитанного напора. Она настоящий мэтр продаж, мне никогда такой не стать. Ей, пожалуй, тоже не мешало бы вести тренинги по продажам, как это делает Вера Николаевна по психологии. Уж наша-то Жанночка впарит что угодно и кому угодно. Даже осколки челябинского метеорита, взорвавшегося в феврале среди бела дня над уральским городом, у неё с благодарностью рвали бы из рук – далеко не по умеренной цене, и просили бы завезти ещё и ещё. И Жанночка продала бы и их, хотя бы этих осколков и оказалось больше самого метеорита...

Мастер-класс Жанны закончился, и я тупо впяливаюсь в плоскую плазму монитора на стене, в сотый раз пересматривая под музыку нарезку сменяющихся кадров из «Завтрака у Тиффани». С несравненной Одри Хепберн в

её культовом образе: чёрном платье с жемчугом, высокой причёской и длинным мундштуком, подносимом ко рту в изящном изгибе тонких рук.

Жанна относится ко мне по-доброму, но несколько снисходительно. И не без основания, ибо я полнейший профан в предпринимательстве. Мода тоже как-то мимо меня проскочила. Мама подарила бы мне любое из своих платьев в бутике, но я, глупо звучит, стесняюсь их носить. Мелкая, щуплая, рост сто шестьдесят. О весе даже и упоминать не стоит. И волос-то особо нет, так, мышиный хвостик. Чтоб не привлекать особо внимания, обычно я просто быстренько залезаю в потёртые джинсы и прячусь в просторный свитер. Хотя трудно определить, кто кого пугается больше, я моду или она меня. Похоже, мы обе друг от друга не в восторге. А Жанна – совсем другое дело, она напоминает мне прекрасную восточную гурию.

Машинально смотрю в зеркало – неказиста, простенькое худое лицо, бесцветные брови. В зеркальном отражении встречаюсь с гуманитарным взглядом Жанны. Манит рукой. Оборачиваюсь.

– На тебе медальку? – На кассе у нее целая вазочка медалек в золотинках.

– Школьную-то ты ведь только через год получишь, ...если вообще получишь...
–лилейным голоском выпевает она, прекрасно осведомлённая мамой о моей неприязни к школьной программе и моих довольно скромных школьных достижениях.

– Умеее вы уколоть, Жанна Дормидонтовна.

Её густые темные «брови персиянки» изгибаются, выражая полное недоумение. Она, конечно же, не Дормидонтовна, да я даже и не знаю ее отчества. Ей всего-то двадцать семь, и мне бы никогда в голову не пришло называть ее по батюшке. Но сейчас захотелось хоть как-то уесть сию бесцеремонную особу – отсюда и выскочила эта «Дормидонтовна».

До нас доносятся притворно бодрые, излишне громкие голоса. Вход в магазинчик забивает толпа из нескольких человек, совершенно бесполезных для

нас – это не покупатели, а, скорее, любопытствующие зеваки. Грузные безвкусные дамы в растянутых водолазках с потёртыми сумками, но ярко накрашенными губами. Жанна как профи всегда мне объясняла, такие денег в кассу не принесут – одеваясь на рынке, они бродят по магазинам, чтобы лишь поглазеть. Замечаю среди них нескладного сложения лопухого лохозавра, вертлявого хлюпкого, в желто-оранжевом прикиде, как у ковёрного в цирковом балагане. У парня несоразмерный его субтильности густенький баритончик, позволяющий гипнотически держать этот вьющийся рой матрон возле себя. И он среди них – явно примадонна. Из кожи вон лезет, развлекает. На Жанну хлюпкий тоже произвёл впечатление. Жалость в её глазах, быстро скользнувших по нему, по обратной ассоциации вытащила из моей памяти образ нашего мускулистого школьного мачо Макса.

Макс вдруг как живой увиделся мне. Накаченный франтоватый хлыщ, с претензией на альфа?чество. А по сути, обыкновенный фат и болтун. Вот он, как всегда, выпендривается на переменке, слегка раскачиваясь на стуле, нарочито откинувшись назад и закинув ладони за голову так, чтобы его крутая фирменная футболка чуть поднялась, являя миру «духовное величие» лелеемых им кубиков загорелого торса. И с покровительственной ухмылкой спрашивает:

– Катька, ты куда поступать собираешься?

– На журфак... люблю сочинять истории, – с неохотцей цежу я: вот чего докапывается-то!

И этот пижонистый позёр мне в ответ:

– Не-е, не выйдет из тебя журналиста. Ты недостаточно цинична...

– О моих личных качествах я попросила бы вас не заботиться. Сделайте одолжение, предложите свои услуги кому-нибудь другому, – парировала я.

– А ну-ка, ну-ка, что у тебя за книжка с собой? – сразу переводит он стрелку разговора.

Читает, изогнув мощную шею:

– «Маленький принц»... А-а-а, любовный романчик, значит. Сюси-пуси... – понимающе подытоживает он.

Тут-то я его и умыла:

– Циничный вы наш мачо, вы – воплощенное невежество. «Маленький принц» – книга Антуана де Сент-Экзюпери в жанре философской аллегорической сказки. Это одно из наиболее известных произведений экзистенциализма двадцатого века. Но боюсь, вам постигнуть это, увы, не грозит. Как и многое другое, впрочем.

Так и сверби?ло внутри, открыть бы вдобавок этому дети?не глаза пошире на его примитивность, а напоследок вмазать готовой спрыгнуть с языка фразой: «Зорко лишь сердце, самого главного глазами не увидишь» – из того же Экзюпери. Но осеклась: поняла – лишнее, не в коня корм. И так у него разжижение мозга, его заштормило, слышно даже, как серое вещество об черепную коробку плещется.

Пока перекидывалась с этим пустомелей в словесный пинг-понг, не заметила, как подтянулась публика – свита Макса: прыщавые низколобые обсо?сы из нашего класса в поддельных пою?занных конверсах и одноликих мешковатых толстовках. Макс для них образец и предводитель. Обсосы – все хилые. Их острые суетливые лица хорьков, повинаясь стадному инстинкту, все обращены в мою сторону, но тупость не позволяет им врубиться, что же я только что произнесла. Кое-кто из них, решив и не заморачиваться по этому поводу, позволил себе по-дебильному хохотнуть, сам не разумея над чем. Макс, конечно, возмутился таким нарушением субординации, отвесив одному подзатыльник по нафаршированному котелку. Другому незадачливому бандерлогу – пинок под пятую точку. Те ретирова?лись. Остальные невруба?нты заёрзали, но притихли, беспокойно переглядываясь. Дисциплина была восстановлена.

Я же, рассчитывая на собственный эффект, со всем возможным мне пафосом медленно скрестила руки на груди и, независимо тряхнув жидкими прядями волос,

ла-а-асково так:

– Дисциплина, Максик,... должна исходить изнутри, а не навязываться извне. Так гласит одно из правил джеда?я. Если тебе, конечно, понятно, о чём я.

В ответ – ни гласа, ни воздыхания. Полное безветрие. И вся прыть моего оппонента как-то сникла, как обвисшая тряпица на шесте. Слегка «дав по щам» нашему разлюбезному королю бицепсов, я со скучающим видом удалилась. Пока что это единственный случай, когда у меня получилось изобразить этакую независимую томную суку, однако я не из тако?вских. Честно говоря, подобные закидоны – вообще не моё. Я, хоть и немного заблудший, но романтик. Неисправимый – мне не худо было бы раз в неделю посещать собрания «общества анонимных романтиков»...

...На пороге магазина, прервав мои воспоминания, появилась мама, как всегда, необычайно хороша. Она у меня в стиле – просто асс. Для себя предпочитает классический стиль Одри Хепберн, да и сама чем-то похожа на неё. И это сходство поддерживает соответствующими нарядами и причёсками. Сегодня она облачилась в простое чёрное платье, умело подчеркнув выразительный яркий контраст между своей алебастровой нежной кожей и отдающими углём волосами, приподнятыми начёсом вверх. Среди этих клуш в обществе клоунского вида доходяги, и всяких девок в «леопёрде» с пересушенными желтыми патлами – мама, несмотря на свои сорок два, просто «гений чистой красоты», как из другого, дивного мира.

Мама и Жанна ушли в подсобку сводить дебет с кредитом. А я теперь жду ещё и Янку, предвкушая предстоящее телешоу. За тонкой перегородкой слышно, как мама с Жанной обмениваются раздраженными возгласами, пытаюсь сойтись в цифрах. Жанна, разумеется, опережает маму в понимании «цифирьных» процессов, она в них настолько же продвинутой мамы, насколько Моцарт талантливей бедного Сальери. Я прекрасно знаю, что мама несильна в математических расчетах и построениях отчётных документов. Возможно, это – досадное побочное свойство всех обладательниц хорошенькой наружности, наделённых прелестным обаянием непосредственной, естественной женственности.

С отсутствием маминой деловой хватки Жанна давно смирилась. Но нейтральная терпимость всякий раз покидает её, когда дело касается зарплаты, и она всегда упорно добивается уступок в свою пользу.

Мама пытается возмущаться, но по природе своей она больше предрасположена к мягкости, и выходит у нее нечто вроде:

– Жанночка, да разве я тебя обижаю?!

– Да, – в голосе Жанны пошкрябывают саблевидные коготки карака?ла, – обижаете, и это ещё слабо сказано. Вы мне платите мало. И то половину из этого я получаю на процентах.

– Жанночка... но я сама имею в итоге не так уж много, крохи, можно сказать.

Но Жанну не проймешь, её практический ум прекрасно разбирается в доходах мамы, и в том, что получает она их – благодаря ей, Жанне.

Жанну нам просто бог послал. До появления этого титана торговли в облике смуглолицей па?вы мамин бизнес был всего лишь бизнесом красивой неумелой женщины – чисто декоративным приложением к маминой привлекательной внешности. И дела с прибылью обстояли плохо, магазин терпел убытки. Ничего не помогало – ни внешность, ни итальянская кожаная обивка на мебели, ни платья из Милана. Дело чудом держалось на плаву только благодаря папиным финансовым вливаниям...

Папа у нас молодец и, по счастью, работал, да и до сих пор работает, в банке. Начальник отдела кредитования. Зарабатывает прилично, и значительно больше мамы. Мама в своей простоте часто недоумевает: как так, она, как будто бы успешная, с её точки зрения, независимая бизнес-леди, а получает меньше, чем банковский работник. А папа, держа большой загорелой ладонью чашку и прихлебывая кофеёк, в таких случаях лишь прячет добродушную улыбку в уголки губ, вполне невинную, но все же с легкой лукавинкой, так свойственной ему. Сдаётся мне, за эту его улыбку – ну и, конечно же, за силу, волевою и мускульную – мама его и полюбила.

У папы, все так говорят, завидная предпринимательская жилка. Благодаря своей энергетике подвижного сильного человека и искреннего какого-то любопытства ко всему, он быстро сходится с людьми. Бывает, их геморройные затруднения разрешает. В ответ спасённые прикипают к нему. У меня сложилась твёрдая убеждённость, что нет такой неразберихи, которую он не распутает. А всё

потому, что любой головняк – для него пища для размышлений. Любая загвоздка вызывает только упорство и прилив энергии. Ему нравится, как он шутейно выражается, «проверка на вшивость». Так уж устроена его волевая натура.

Чаще всего он немногословен и собран. Внешне же под стать весьма импозантному герою из рекламы горнолыжного курорта. Подтянут. Пшеничного цвета чуб. Когда смеётся, его безупречной белозубой улыбке можно позавидовать. Смех его на меня всегда действует ободряюще. В самой, казалось бы, безвыходной у меня ситуации, он понимающе потреплет по волосам, скажет свою всегдашнюю при?сказку про «проверку на вшивость» и весь засветится смехом. А мне сразу – и море по колено.

Я считаю папу с мамой подходящей парой. И он всё ещё влюблён в неё. Её женственность с самого начала покорила его – раз и навсегда. Женская притягательность мамы так естественна, как естественен непринуждённый ход самих природных процессов. А некоторая её наивность и лёгкость во всём действует смягчающе на сильную, несколько грубоватую природу папы, без каких-либо «интеллигентских фендибрюсов», как он сам выражается. Также смягчающе влияет на него и мамино умение наполнять красотой всё вокруг себя. У неё это получается тоже так естественно, словно иначе и быть не может. При этом её чувство моды, стиля и вкуса – для него терра инкогнита. И он никогда не посягает на её автономность в этом вопросе.

Мама и впрямь каким-то чудесным образом ориентируется в брендах и модных направлениях. У неё целая куча такого типа журналов. Иногда я тоже листаю их. Но всё-таки плоховато разбираюсь. А всякие там стили, их приёмы, элементы вообще для меня так же непонятны, как и музейные исторические экспонаты, в которых чтобы разобраться, что они такое, откуда и зачем, мне надо сначала прочитать музейную бирочку с описанием.

Возможно, чтобы проникнуться пониманием тонкостей стиля и благоговением перед каким-то невероятным дизайном шмоток от кутюр, нужно пережить три дефолта, десятков периодов хронического дефицита, парочку гражданских войн и прочих катаклизмов. Может, что-то из перечисленного и встаёт перед маминым взором бывшей вынужденной челночницы, когда она повторяет мне довольно часто: «Я прошла 90-е...». И звучит это как: я прошла войну.

Я же родилась в 1996-м. Долгое время находилась в том возрасте, когда и не осознаешь ни бытовых трудностей, ни, уж тем более, что происходит в стране.

Так что для меня 90-е, нередко упоминаемые в семье, – это, своего рода, мифология. Конечно, мне не понять смысла, вкладываемого в выражение «прошла 90-е». А мама, бывает, возмущается: «Катерина, ты ничего не прочувствовала, не видела, не знаешь и не ценишь... Вам, нынешним детям, все досталось просто даром, вам не с чем сравнивать»...

– Катя-а-а? Ты что-о-о, ушла в астрал? – громко восклицает кто-то над самым моим ухом.

Где-то из подсознания у меня всплывает, что вроде бы некто, одетый в кожаное мини и топик с пайетками на лямках пару секунд назад прогреготал каблуками рядом. Да, передо мной – Янка. Ух ты, и без того высоченная, фигуристая, яркая королева нашей школы, она еще и на внушительную танкетку взгромоздилась. Но она не какая-нибудь там здоровенная, хотя я иногда её в шутку и называю каланчой, сильно преувеличивая, конечно, – сложение у неё довольно стройное, и её высокий рост вполне гармоничен телу. Её натуральная рыжеволосость отликает бесподобным оттенком. Не исключено, что именно поэтому Янка и любит всё время снимать и снова водружать на голову свой ободок, чтоб пламенно-рыжий ливень волос всякий раз ухал на её спину и по праву мог быть оценён окружающими. При моём неважнецком мнении о собственной персоне я даже и не завидую Янке, а лишь люблю её безмолвно. Ну а сейчас-то просто довольна, что все, наконец-то, в сборе – и можно ехать на студию на ток-шоу.

Вновь из подсобки появляется Жанна и мама. Мама, увидев Янку, оживает – она очень любит её. Начинает болтать с ней, расспрашивать про школьных ухажёров и смеяться над её ироничными замечаниями.

А Жанна пышит недовольством. У неё после очередных подсчётов с мамой слегка подались вниз уголки накаченных гелем губ. Накрашенная бровь обиженно взлетела. Чуть не сказала – отклеилась. Нет-нет, татуаж её в полной безопасности и стоек как никогда, как и стойка? сама Жанна. А вот черные крылья ее ресниц, кажется, предвещают бурю. Но, в конце концов, наша Жанночка, только что как будто бы готовая пронзить взглядом, вцепиться когтями дикой кошки в мамин начёс – всего лишь поиграла-поиграла желваками да и снова приняла небрежный вид.

Мы, блаженно расслабленные от яблонево-цветочной нежности и пряных ароматов просыпающихся трав и деревьев, садимся в машину и за несколько минут добираемся до телецентра, где на ток-шоу мы будем маячить в качестве группы поддержки Веры Николаевны. Стёкла окон в авто? спущены. Погода – упоение, на редкость жарко. Приятный ветерок. Мимо нас проносится нежная, цыплячья зелень тополей. Их клейкий смолистый запах разопрел, тая? предвестие грозы, хотя пока что ещё солнечно.

В съёмочном павильоне – духотища. Нас посадили на лучшие места в первом ряду – стараниями хорошо нам знакомого Жени, шустрого парня в хипстерском пиджачке с закатанными рукавами и горчичного цвета футболке. Симпатичный малый, своими мелкими чертами схожий с молодым Брэдом Питтом. Он работает администратором. За всем в студии приглядывает, помогает участникам найти свои места на трибунах, следит за порядком. Всё время загадочно и не без самодовольства улыбается. Ему это идёт.

Яна, увлекающаяся подобного рода передачами, приглушённо хихикая, указывает на трех дородных граций, потом её зоркий глаз выхватывает ещё кого-то из рассаженных на трибунах зрителей.

– Вот эти постоянно здесь в массовках околачиваются. Слыхала, тут платят по пятьсот-семьсот рэ за съёмку. Зависит от крутизны программы. И, представляешь, они хлопают, смеются, выкрикивают с места – всё только по взмаху руки че?ла из здешних. Или некоторые даже к микрофону вылезают с мнением своим, как бы особенным. А на самом деле им пишут, что произносить надо. Трэ-эш! Ну, раз уж всё схвачено и оплачено... В общем, куклы и кукловоды... игра такая... аттракцион, – иронизирует она.

И, тут же мгновенно перевоплотившись, представляясь как бы в образе «чу?кчи» из анекдотов смешно интонирует:

– Ши?бко цирк, однако!

Я угораю от её выходки.

В студии перед нами предстаёт внутренняя кухня подготовки представления. Технический персонал проделывает неведомые нам ритуальный манипуляции, ухищрения с микрофонами, осветительными приборами, камерами, расставляет реквизит. Появляется какой-то высокорослый усач в затемнённых очках, с такой горделивой посадкой головы, словно некто сверху с силой приподнял её невидимой натянутой струной и она так негибаемо и зафиксировалась навеки. По-видимому, это режиссёр – он властно тычет указующим перстом то в одну точку павильона, то в другую, раздавая рыкающие распоряжения по организации декора съёмочной площадки, где вот-вот разыграется по заранее определённому сценарию магия телешоу суждений. Рядом с режиссёром мнётся примелькавшийся известный шоумен, уже набивший всем оскомину, он на ходу обговаривает последние детали своего выступления перед началом эфира. Мельтешат какие-то самоуверенные прокуренные люди и спешно уносятся в невидимое нутро бесконечных техслужб.

Туда же прогарцевала мимо наших кресел и начальственная молодая фи?фа с платиновыми волосами, яркими вампиристыми губами и жёстким выражением физиономии. Женя встрепенулся. Сделав какой-то непонятный кульбит в развороте и бесстыдно вильнув задом в узких кожаных штанцах метросексуала, стремглав – на цырлах за ней. Особа прищурившись, узнала. Снизошла – и замедлила шаг. Женя чуть ли не в поклоне, пропел сладчайше:

– Киса-а... здра-авствуй! Как дела-а? Ты обеща-ала...

Дева едва кивнула, что-то быстро буркнула. Сунула ему какую-то карточку, напоминающую визитку. И напоследок, вскинув семафором руку с ладонью к его физии, строго обозначила конец их диалогу. Женя всё равно счастлив. Мне хорошо известна эта его манера рыбы-прилипалы приставать к тем, кого можно использовать. Он аж затрепетал от полученной бумажки, воссияв лакейски склонённым ликом. Небось, хотел сполна насладиться результатом этой краткой беседы и помечтать об открывающихся горизонтах, заключённых в телефонах владельца обретённой визитки.

Но тут чей-то зычный генеральский голос вполне отчетливо протрубил на всю студию:

– Твою ж мать... Жека ... где тебя носит?!

И Женя, повернувшись к нам, на бегу делает театрально-страшные выпученные глаза и с наигранным ужасом кивает в сторону застеклённого чрева аппаратной, откуда, вероятно, и прозвучало по микрофонной связи это восклицание. И тотчас же мухой – в лёт.

С Женей мы знакомы чуть ли не с детства – связаны через дружбу наших родителей. Жаль, что у Веры Николаевны детей нет. «Зато муж уже третий, да при купюрах. Два развода... – ну и биография для психолога!» – неожиданно проносится во мне Янкина колкость про мамину подругу. Но Янкина ехидность уже не парит меня.

Женя вернулся довольно скоро. Остановился возле нас, взглянул в сторону массо?вочного контингента, поморщился. И, закатывая зрачки, начинает жаловаться нам на столь постыдный факт, в его понимании, как приглашение батюшки в студию:

– Это дно... – жеманно с надрывом повторяет он, – это днище... Попы на телевидении – днище... Да сегодня они повсюду – в Думе, университетах, школах... даже в армии в качестве полковых священников наставляют, исповедуют... И в кинематографе тоже, взять хотя бы Ивана Охлобыстина... Средневековье!

Я, дурачась, дергаю на Жене цветной шёлковый шарфик: что-то он несколько пересаливает, вот разошёлся, охолони, друг. Раз уж мы давние знакомые и он почти мой ровесник, могу позволить себе немного игривости, тем более что и само-то это ток-шоу – не более чем игра.

– Вот что за работенка..! – продолжает ворчать Женя, – тут иногда и кулаки в ход пускают, если во взглядах не сойдутся... А сейчас, вот ещё не хватало, – религия... Поп, глядишь, так и ана?фему пропоёт тут же в прямом эфире... Я уж даже боюсь за Веру Николаевну.

– Да Вера Николаевна этого попа так разделает, ты уж не беспокойся, не сомневайся даже, – невозмутимо отзывается мама, – разделает, как бог черепаху. – И, достав помаду, подкрасила губы.

А Янка и тут не удержалась от попытки сострить:

– Как бог черепаху?! Но батюшка-то с богом заодно... А кто против него – богу и без черепахи известно...

В этом она вся, но я улыбаюсь, уверенная в скором торжестве Веры Николаевны.

Но тем временем – начинается действо. Резко вырубаются всё освещение. Тьма. Только несколько прожекторов. Они начинают буйно вспарывать пространство, пронзая тут и там темноту яркими бешеными красками. Ядовитые лучи софитов беспорядочно носятся по трибунам, по декорациям, словно зловещие гигантские птицы, выискивающие жертву, и, сойдясь вместе, резко вдруг выдергивают из мрака возвышение-сцену и уже стоящего там ведущего программы – в смокинге, белых перчатках и котелке. Зазывающим голосом конферансье в стиле «а теперь, на арене...» – он бодро возвещает зрителям о главных персонажах шоу, Вере Николаевне, «одной из известнейших в своей сфере психологов-коучей», и батюшке, имя и регалии которого тут же вылетают у меня из головы. Затем ведущий жестом фокусника бойко щёлкает в пустоту – и с потолка выплывает белый экран. Далее этот факир, взмахнув над головой чёрным цилиндром и отвесив поклон, «почтительнейше приглашает публику познакомиться сначала с экрана, а потом и вживую с нашими замечательными героями».

В студии все жарче, как на адовой сковородке. Я смотрю на маму, ее лицо неестественно бледное в капельках пота, глаза очень черные, пугающе черные, странно недвижные. Без выражения. Еще бы, в таком пекле невозможно думать, откуда взяться выражению-то. Обычно фарфоровая кожа приобрела какой-то неприятный синеватый отлив. Лицо при таком освещении совсем поменялось, стало неживым, каким-то пластмассовым.

Я поворачиваюсь к Яне – свет и с ней сподобил нечто невообразимое: рядом сидит... совсем незнакомое мне существо. Вроде и подружка моя, и в то же время сама на себя непохожая... что-то в ней почти потустороннее, даже ве?дьминское проклюнулось. Наверное, такой эффект возник из-за её пламенно-медных кудрей, извивающейся во все стороны огни?стыми змеями, и резко-скульптурного строения лица. Оно у неё очень структурное, чётко прочерченное, жесткое, волевое – вальки?рия да и только. А коварные флуоресцентные лучи прожекторов еще больше укрупнили её черты, утрировали их – и вот такое сотворили. Неужели и со мной произошло нечто подобное? Мечусь, срочно прошу у мамы зеркальце. Но она, сосредоточенная на экранном действии телерепортажа о Вере Николаевне, не глядя, второпях роется в своей сумочке и машинально выуживает оттуда... маленький театральный бинокль. Вот ведь...

Но спорить некогда. Беру, пригодится.

И в этот момент на всю катушку вспыхивает полный свет. И тут же всё пространство заполняют монофонические искусственные, неживые звуки студийного музыкального сопровождения, похожего на ужасно примитивную запись рингтона в телефоне. На площадку-сцену авторитетно всходит Вера Николаевна – этакой властительной скандинавской богиней, поцелованной солнцем. Улыбающаяся, в желтой тунике модного силуэта, так идущей к ее золотистым волосам и решительному лицу с румянцем сквозь пыльцу мелких веснушек.

А с противоположной стороны ей навстречу, путаясь в черном подоле с вьевшимся церковным запахом свечей и ладана, потихоньку, черепашьим ходом вползает на подиум батюшка. Неопределённого возраста отъевшийся коротышка, кажется, лишь метр пятьдесят, не больше. В оспинах лицо, почти голый череп и бурая жидкая, будто общипанная, бородёнка. Короткопалая его ручонка поглаживает большой серебряный крест. Этот крест, возлежащий на черном облачении маленького тела, такой огромный, что кажется, – именно этот крест сам сюда и пожаловал верхом на круглом пузе. Бегающие бусинки глаз мелкорослого крестоносца пару-тройку раз оценивающе метнулись по обличностям на трибунах и вновь юркнули в тень выступающих надбровных дуг с белёсой растительностью...

О чем они спорят – как-то не сильно занимает меня. Только время от времени иногда зацепит та или иная выскочившая из потока мысль. Но и её мешают додумать аплодисменты массовки, которые звучат не в такт с моими возможностями переваривать смысл. И я большей частью лишь преданно вбираю в себя все жесты, каждое движение Веры Николаевны. Она выиграла еще до начала этого диспута, уже только озарив студию своей победной улыбкой. А этот, в чёрной рясе, у меня ассоциируется с чем-то неприятно затхлым, с какой-то пронафталинненной фигуркой из старого чердачного сундука с хламом.

Вера Николаевна сидит в плетеном белом кресле, рождающем в моём воображении располагающие к размышлению и медитации картинки южных морей, гула прибрежных волн. Сидит непринужденно и уверенно. Её мягкая, округлая фигура расслаблена. Заметно, что она комфортно вписалась в эту современную студию, в это уютное плетёное сиденье. И лицо её, спокойное, проникнутое сознанием своей силы, вежливо, с оттенком лёгкой

снисходительности, обращено к собеседнику. Держа маленькую записную книжку итальянской марки Молески?н, иногда делая в ней какие-то заметки, она внимательно слушает своего визави?. Едва заметная красная нитка на запястье намекает на её приверженность оккультизму и чу?ждости православию и христианству – кажется, это что-то из каббалы?. Такое поп-звезда Мадонна носит, да и вообще многие звезды, это почему-то распространено в среде шоу-бизнеса.

В ответ на вступительные слова чёрнорясового крестносца, пропущенные мной мимо ушей, Вера Николаевна начинает говорить убеждённым сильным чистым голосом:

– Религия теряет свое влияние, когда общество достигает экономического благополучия. Да-да, друзья мои, все дело в благополучии общества. Человеку в таком социуме больше не нужна подпорка, не нужна психологическая компенсация... не нужна анестезия в виде бога... Религия ему не нужна.

– А нужны психологи, – кривится батюшка, пытаюсь перехватить инициативу у подкупающей своей убеждёностью соперницы.

Он с досады поправляет бородёнку, обхватив её горстью, но рука в волнении прыгает, а за нею и бородёнка теряет свою цельность, встопорщивается и торчит чахлыми кустиками в разные стороны. Глазки злятся. Вот он как будто бы готов брызнуть желчью – но, пожевав губами, так и не находит нужных слов...

Теперь и меня берёт досада, я разочарована – весь его вид не соответствует той духовной миссии, которую он на себя самонадеянно взгромоздил. Нет в нем той силы, идущей изнутри, из сердца, которую ждёшь от людей своей идеи, своей веры. Он суетен. Как-то мелок, что ли. Да и тушется слишком, втягивает плешивую головёнку в плечи, как обеспокоенная осторожная черепаха. Обстановка сбивает его, он здесь инородное тело – елозит в кресле, чувствуя себя глупо, неуместно со своим бабьим подолом. Даже жаль, что это не самый сильный противник для Веры Николаевны: блеск лавров её успеха мог бы быть ярче, будь перед ней достойный.

А Вера Николаевна, так бестактно им прерванная, обратила слова попа против него же самого.

– Да, вот именно, человеку сегодня нужны психологи. Гораздо больше, чем священники. Вы пестуете в людях комплексы, внушаете чувство вины. Вы заражаете их культом страдания, к месту и не к месту вспоминая о муках Христа на кресте... Да ваш крест – мазохистский символ. А мы, психологи, снимаем это ложное чувство вины людей за грехи человеческие, за страдания Иисуса во имя людей, мы освобождаем их от этого вашего реакционного запрета на удовольствия... Мы говорим человеку – живи и радуйся.., – она произносит это горячо, пламенно.

– Да как же вы не понимаете, у психологии и церкви в отношении чад наших просто разные задачи. Мы говорим о духе, о спасении души, а вы – всего лишь о житейском комфорте, – гундосит крестоносец каким-то приту?шенным, глухим, как из бочки, голосом, сразу же падающим на дно, к полу.

Я всматриваюсь в нелепого попа. О, что я вижу... Вот тебе и на! Его куцые черепашьи ножки обуты, оказывается, в дорожные итальянские туфли... от Амедео Тестони, известной на весь мир марки люксовой обуви ручной работы. Я совсем недавно их видела в рекламном журнале на маминном туалетном столике. Вот и приехали! И это радетель духа, попечитель душ людских..! Вот ведь, не чуждается материальных ценностей. Не смог, видно, стряхнуть с благочестивой души своей земную суетность мира. На поверку-то, изъязвлена его душенька той же суетностью, против которой и радуется милок.

Я легонько толкаю в бок Яну, мол, зацени обувку. Она выхватывает у меня бинокль и, рассмотрев, украдкой показывает поднятый большой палец руки. Передаю взглянуть маме, у неё от удивления глаза округляются: духовный пастырь-то не так прост, как кажется на первый взгляд...

– Да, – продолжает Вера Николаевна, – спасение души и комфорт действительно разные вещи... Ну что такое ваше спасение, если уж на то пошло? Оно, конечно же, полностью исключает комфорт. Вы хотите сделать всех несчастными манипулируемыми рабами божьими. Народ и так был в рабстве у тоталитаризма, советского, – а вы предлагаете ему такое же рабство, только от бога. Едва мы скинули совок, вздохнули свободно от этих вечных пут «должен-должен-должен», так вы тут как тут со своими самоограничениями, обязательной рабской смирностью, покаянием, тотальной воздержанностью, отречением от самого себя...

Вера Николаевна неплохо владеет оружием слова. Батюшку опять перекосило.

– Мне трудно с вами согласиться, да мы и пришли сюда не соглашаться, а как раз чтобы спорить. И вот что я вам скажу, – козлетоном гнусит он. – В человеке есть зверь, так как человеческая природа была повреждена духовным падением и лишилась защиты. Зверь не хочет обуздания, он в нас беснуется при любой попытке заточить его в клетку. Ему все равно, какого вида будет клетка, кто ее заперёт, советские с их кодексом строителя коммунизма, или православные с заповедями Христа. Зверь в ярости и не хочет в клетку...

Ну что это за словечки?! – думаю я. – Зверь какой-то... Точно средневековье... Верно Женя подметил.

Вера Николаевна в эту минуту видится мне великодушной, человеческой и мудрой. У нее прекрасная осанка, она не дергается, не кукожится.

А нафталиновый весь извертелся. Потеет. А сидит-то – как-то полубоком, совсем не по-православному, ногу на ногу закинул, и не заметил, как напоказ свой брендо-люксовый ботиночек выставил. И, глядя на ботиночек этот в сотовариществе с выпирающим барабаном живота, мне так и представляется этот барабан пузатым игральным автоматом-лохотронщиком, который не хочет отдавать выигрыш и только при ударе кулаком с неохотой расстаётся с зажатыми жетонами, жалеючи звуча ссыпающимися кругляшками. А поп всё ножкой дрыгает, шебутится подолом по креслу, всё время подтыкая рясу под себя, как будто стараясь ещё нечто утаить в недрах её складок. Может, и под широкими рукавами его балахона прячутся дорогостоящие мирски?е цацки в виде элитных золотых часиков.

Всматриваясь, вижу – левая щека у него чуть подрагивает, нервничает: не справляется с ролью. Да, видимо, овечью-то шкуру не так просто удержать на волчьем хребте. Я уж и не смеюсь. И в мозгу только одно: не доверяю...

Тут кто-то тихонько касается моего плеча, смотрю – Женя. Он, примирительно улыбаясь, указывает жестом на мой бинокль, дескать, камеры иногда выхватывают зрительские лица, и такое разглядывание выглядит на экране не очень, ну, типа непрезентабельно.

На другой день утром при встрече Янка мне сообщает, что в школе запланировано предпраздничное мероприятие. Опять я где-то витала – слышу об этом впервые, пропустила, видимо, инфу. Будут крутить в честь Дня Победы какой-то фильм военный. Про холокост. Не охота, конечно, смотреть. Ещё, наверное, придётся слушать их патетические официозные речуги. Опять показушности не избежать. И без этого в школе – всегда такая тягомотина, аж скулы сводит. Хорошо хоть «балделово» с нашей с Янкой компашкой никто не отменял.

– А я люблю киношку, – бросает реплику Янка в противовес моей протестующей реакции, – лишь бы не математика, уж вместо алгебры-то я что угодно выдержу.

– Ну и что за фильм? – спрашиваю.

– «Спасенные в Кракове».

На фильм пришли лишь десять одноклассников. У нас класс маленький, всего двадцать три человека. Больше половины, значит, по-тихому сфило?нили, пренебрегли грозным приказом классной прийти на фильм.

Мы заходим в небольшой школьный «зал для презентаций» – смешное помпезное название, а, по сути, та же классная комната. Но в целом – довольно комфортная, хотя бы без школьной казённости. Дермантиновые кресла, проектор, полотно, на котором будут показывать фильм.

Хоть бы шторы задернули из уважения к жертвам холокоста – исхожу я желчью. А то ведь это бесстыжее полуденное солнце, хозяйничающее повсюду, и благоухание яблонь со школьного двора – это ж почти пир во время чумы, да и нежные цветущие ветки прямо в окна норовят залезть, заявляя о своей жажде жизни. Я раздражена необходимостью обязательного коллективного просмотра, и недовольство норовит излиться из меня помимо моей воли.

Яна плюхается в кресло, то и дело поправляя серебристую мини-юбку, просто доне?льзя мини.

– Вырядилась, – ёрничаю, – на фильме о концлагерях будешь ляжки показывать.

Янка смеется, выглядывает в окно. Хватает яблоневую ветку, и цепкими острыми ногтями в красном лаке сдирает одним движением листочки с ветки.

Спрашивает:

– Петух или курочка? – показывая мне пучок зелени в щепотке.

– Что?

– Да мы в детстве так играли...

– Ты детство в Урюпинске, что ли, провела? – передразниваю я. – А вот и действительно твой петушок появился, – и киваю на входящего упругой, слегка подпрыгивающей походкой Макса.

Тот, привычный к восхищённым взглядам девчонок, важно зашагивает в зал, откормленный, мускулистый, ну точно как распутивший хвост голенастый петух. Оглядев курятник оценивающим глазом, он с вальяжной снисходительностью обращает взор на Яну. Мы с ней равнодушно отворачиваемся, лишь разок незаметно зыркнув в его сторону. Янка, правда, сразу стала громче хохотать, трести пышным рыжим хвостом, разговаривать с какими-то кокетливыми взвизгами и подвываниями, явно стараясь быть заметней на фоне остальных.

Вошла наша классная. Это – педагогиня лет пятидесяти, одолеваемая профессиональным зудом кошмарить и прессовать балбесов. Естественно, она замучена постоянным напряжением нервов от выноса им мозга своими воспитательными приёмчиками. Но всё-таки не может отделаться от чувства своего бессилия перед непробиваемым разгильдяйством школоты. Ведь все её усилия уходят в порошок, что не добавляет ей оптимизма. Вот и сейчас чем-то, по-видимому, озабоченная, она увядшим глухим голосом просит мальчишек настроить проектор, а девочек задернуть от солнца шторы.

Ха... шторы-то черные – отлично выходит: настоящий склеп. Только бы еще рамы задраить, чтоб дивное амбре яблонь не напоминало о жизни извне – тогда полное впечатление.

Но уже к середине фильма мы не чувствуем ни весенних запахов, ни трепета шелестящих веток с гроздьями цветков, заглядывающих в окна. Зарёваны. И

даже Янка – изрядная пофигистка, особа весьма боевая, несмотря на пайетки и мини, – с красными распухшими глазами. Так мы с ней и вывалились из школы сопливыми хлюпающими колодами.

Фильм – про то, как в Польше нацисты во время войны использовали евреев из лагерей смерти в качестве бесплатной рабсилы на своих фабриках. Подобной фабрикой, по сюжету, владел некий промышленник Карл Циллих, он штамповал на ней металлическую посуду. И сотрудничая с фашистским комендантом концентрационного лагеря, регулярно имел оттуда несчастных узников для принудительной работы у себя в цехах. Поначалу он видел в этих людях лишь рабочий скот. А потом этот хладнокровный деляга, оказываясь всякий раз случайным свидетелем зверств немцев, мало-помалу насмотрелся на убийства евреев, запросто так, прямо на улицах. Он взгляделся в серый пепел, висящий над огромной трубой крематория в лагере. Капля по капле в него проник весь ужас существования заключённых и... В общем, ему как-то очень поплохело. А когда работников его фабрики стали пачками отправлять на истребление в Освенцим, решил помочь им и попытаться спасти. В итоге спас больше тысячи человек – за свои кровные, подкупая где только мог нацистов всех мастей. Из-за этого, в конце концов, обанкротился вчистую...

Довольно сильный фильм. Нас, естественно, здорово пробрало. Глаза щипало, слёзы, наворачиваясь, размывали изображение на экране, хоть как их смаргивай... Между прочим, Яна тут же на планшете нагуглила про фильм – оказалось, реальная историческая личность этот промышленник, и другие персонажи – тоже.

Возвращаемся с Янкой после фильма удрученные. К слову сказать, слезы у нее мигом высыхают. Пару раз шумно высморкавшись, она в один дых и успокоилась. У меня же оглушенность оставалась долго, уж лучше бы уроки, та же бы ненавистная алгебра, чем... Ничего не радует – ни цветы, ни зелень, и мир стал черно-белый, как этот фильм.

Бредём по парку. Не так давно в нём обустроили площадку, беговые дорожки, теннисный корт. А сколько лет он был запущенным, хоть и с некоторым налетом как будто бы поэтических руин! Сейчас здесь парни с видом крутых эквилибристов сигают вверх-вниз на скейтбордах и роликах. Наше с Яной появление еще больше взбудоражило их активность. Тут же топчутся девчонки в попытках привлечь внимание, но при этом якобы занятые своими делами.

Делают селфи. Я, почти как зоолог Дроздов из передачи «В мире животных», гляжу на этих цып. Янка пихает меня локтём – одна цыпуля снимает на телефон очень узкую девицу в трико, демонстрирующую сногшибательную гибкость. Она делает стойку на руках, потом невероятным образом выворачивается, прогнувшись в спине, а ее согнутые в коленях ноги свисают низко к плечам. Несколько легчайших пластичных движений – и она уже, лежа животом на травке, свернута калачиком наизнанку, а ступни спокойненько обнимают её шею.

– Девушка-змея. В цирке бы показывать, – вяло отмечает Янка. Заметно, что мысль её занята другим.

Идем дальше, я ничего не отвечаю, ещё под впечатлением от фильма, слишком потрясена, чтобы говорить. Янке же, как экстраверту, видимо, нужно выговориться, не терпится выплеснуть своё мнение в чьи-нибудь уши.

– Циллих этот, ну тот, который фабрикант, конечно, мужик хороший. Зато комендант лагеря, – просто, прям, секси, – наконец заявляет она.

Я возмущена:

– Не понимаю я тебя, Яна...Ты же сама нашла инфу в инете, что речь-то идёт не о каком-то всего лишь вымышленном маньяке-коменданте, а это всё происходило по-настоящему. И персонажи фильма взяты из жизни.

Но Янку смутить невозможно, она продолжает:

– Помнишь сцену, когда он выбирал себе горничную? Ка-а-акие у него глаза! Серо-стальные. Волчьи глаза. Эх, Катька,.. я б такому сразу дала.

– Ты шалава, – негодую я.

Яна скорчила рожу, показывая мне язык.

– У тебя потому что еще секса не было, поэтому ты так и говоришь, Кэт.

Хмыкаю:

– Да у тебя, что ли, был!

– С самой собой... – тут же сострила Янка. И заржала.

Дикое её ржание немного отвлекло меня, но лишь на миг. Всё-таки моё внутренне равновесие уже исчезло. Я наскоро распрощалась с Яной, унося с собой какое-то новое ощущение.

Прихожу домой. Умещаюсь на свой пуф, у меня для него, правда, другое название – не пуф, а куль. Бесформенный, растекающийся под телом, из кожзама. И таких три – черный, золотистый и посеребрённый, я сама выбирала. Папа дал мне торжественное обещание не вмешиваться, когда мы, три года назад, въехав в нашу четырехкомнатную квартиру, принялись за ремонт и обустройство. Ну, я и организовала в своей комнате – а личная комната у меня впервые появилась! – тот порядок и те вещи, которые меня устраивали. Мама лишь ужасалась и тихо молилась, папа запретил ей давить на меня. Таким образом, кроме моих кулей, спального места и стола для уроков, в моей комнате в очень минималистичном стиле появился ещё и чёрный мягкий татами рядом с низеньким, чёрным же, столиком для чаепития, дань моему непродолжительному увлечению японской культурой. Стены без обоев – я захотела, чтоб они были просто покрашены в красный, революционный цвет. И у двери здоровенный, в полстены, черно-белый плакат-шутка «Че Бурашка» – ну да, вроде Че Гевара, только с ушками плюшевого создания из мультика. Видела в этом своеобразный оксюморон: мягкая сила. На столе есть ещё плакаты с изображением Ленина. Эти плакаты – и не только эти, но и все другие – мне Вера Николаевна подарила. Люблю ее. Она не только мамина подруга, но и моя лучшая подружка. Она одобряет мои самые дикие идеи. В ней есть всё – ум, воля, уверенность, тонкость, вкус...

Зайдя сейчас в свою комнату, впервые за три года понимаю, что хочу – другие картинки, другую комнату, другую обстановку. Не эти игры в революцию.

Сию на своём куле?. Вся в раздразе. Пытаюсь разобраться в своих чувствах. Черт дернул Янку изречь ту чепуху про коменданта из фильма, про то, что он «секси». И почему меня это так задело? Может, потому что у меня самой в какое-то мгновение бессознательно промелькнуло подобное же чувство, только не оформленное столь определённо, как у подружки? Не знаю. Но зря она это ляпнула. Так бы у меня всё забылось, смутное ощущение быстро бы рассеялось в повседневных делах. А Янка, верхоглядка, взяла и сдуру брякнула свою примитивную пошлятину, и как бы дооформила то, что во мне смутно. А может, ничего она и не дооформила. Может, я сама что-то накручиваю?

Вся в тревожных терзаниях, я включаю ноутбук, еще раз пересматриваю эпизод фильма, где комендант выбирает себе горничную. Идет вдоль шеренги женщин в своем эффектном форменном кожаном чёрном плаще. Вот он останавливается перед этой девушкой, она от холода прячет руки в драную шаль... Я забываю, где нахожусь, снова попадаю в этот серый, как пепел, мир. Взгляд ледяных глаз – и я проваливаюсь, теряю точку опоры перед непонятной силой этого холодного красивого лица...

Мне совсем не нравится это чувство. И это не то влечение, про которое Янка говорит «я б такому сразу дала», и не симпатия, не влюблённость. Мне случалось влюбляться. Нет тут характерного для влюбленности полёта, нет той пуховой перины, на которую безопасно падаешь – а есть какая-то страшная яма. Подобное во сне бывает. К примеру, бывают во сне такие хорошие моменты, когда летишь над землёй от распирающего тебя счастья, и такой восторг внутри. А в снах-кошмарах, наоборот, – тяжеленное тело, едва ноги тянешь, спотыкаешься, падаешь, и в ужасе проваливаешься, как Алиса в глубокую черную дыру. Вот так и сейчас у меня. Ощущение какого-то срыва в тёмную пустоту. Это мучает. И, к несчастью, – уже не во сне.

Ставлю идущий фильм на паузу. Тошно и пусто, плюс ощущение неправильности, какой-то искривленности. Я словно бы что-то напортила, поломала в себе. Так бывает, когда человек неправ в глубине себя, перед самим собой. Но мучаешься так, если реально накосячишь. А здесь-то что произошло? Ничего ж вроде. Хотя... кажется, я понимаю, откуда это идет: мы ведь все с детства знаем, что фашисты гады, и не просто картинные, голливудские гады – они и есть то самое настоящее, реальное зло, большое зло, с которым предки наши всё-таки справились. А я вдруг, вразрез этому, ощущаю какую-то притягательность этого злосчастного фа?шика, ведь знаю, что мерзавец, а ощущаю.

Но ведь не только я почувствовала особенную харизматичность этого «истинного арийца». Ведь и Янка отметила это, только она по легкомыслию свела это к «сексапилу». Но почему же она спокойно и во всеуслышание в этом признаётся, и в ней это не вызывает смущения, в отличие от меня? Наверно, потому, что Янка – тот ещё ти?пус, и она совсем другого склада. А может, дело ещё и в употреблённых ею словах. Я, как человек, нацеленный в будущем на журналистику, – к слову, к смыслу в нём заключённому, отношусь достаточно трепетно. А Янка-то не гуманитарий – не случайно она планирует поступать на экономический. Ясное дело, смысловые тонкости слов ей не очень-то интересны. И потому-то она и говорит такими простецкими пошлыми фразами: «я б ему дала», «он секси» и прочее. Этим она всё упрощает. Сужа?ет до вполне приземлёно-бытового «дала бы». И в итоге как бы отбрасывает от себя всю сферу фашистских злодеяний этого сомнительного персонажа. Как бы очищает свое отношение к нему от его нацистской идеологии, очищаясь и сама. Вроде она к этой страшной идеологии и не причастна. И нет на ней этого пятна, нет вины. А раз так – то и не чувствует в себе никакого смущения, никакого груза предательства, обесценивания борьбы наших прадедов в войне против этой идеологии. Вот и чувствует себя припеваючи.

Но, в отличие от неё, мне-то так просто не отмахнуться. Я не умею мыслить такими обеднёнными словесами, типа «я б ему дала». Да я ещё и до мыслей-то не дозрела. Пока что ещё только бродят во мне непонятные мне чувства, не из приятных. Именно чувства... пока ещё не нашедшие настоящих слов для своего объяснения, пока ещё не сложившиеся в определённые мысли.

А Янка всё непонятное и необъяснённое втиснула в форму глупых, односложных, примитивных слов. И, как в клетке, заперла там. И это необъяснённое – подобно джинну в бутылке – приняло ту мелкую формы, в которой его заперли. Оно заперто, но – подобно тому же джинну в бутылке – это не значит, что его вовсе нет. Его просто не видно. Но оно существует. И всё так же – не понято и не объяснено. А как его понять? А если его выпустить из «бутылки» – не поняв? И как же это непонятое объяснить?

Пожалуй, слова Янки – только часть причины, почему мне как-то не по себе. Если бы были только слова, я бы забыла. Но ведь не забыла. Не удалось. Значит, есть что-то другое, что-то ещё. А слова – только крючок, зацепивший это что-то. Но что это? Вопросы не дает мне покоя.

В открытое окно слышно, как проходит внизу какая-то хохочущая компания. Парни что-то ломко басят, а девчонки – на высоких кошачьих нотах поддерживают их, то и дело раздражаясь внезапными всполохами смеха. Я выглядываю в окно, мне очень хочется развеять морок в голове.

Горизонт уже темнеет. Летние сумерки не похожи на зимние. Зимой темнота резко спускается вниз. Летом же она разливается мало-помалу, тончайше, словно сиреневая акварель в прозрачной воде. Воздух постепенно наполняется той ясностью и гулкостью, характерной для умолкшей улицы. И в такой тёплый майский вечер каждый звук раздаётся, словно бы у тебя в комнате. Разговор, обычный разговор прохожих, не крик, не ссора, усиливается и разносится далеко. Да люди и не ссорятся в такие вечера. Тепло расслабляет, опьяняет их. Они перебрасываются веселыми фразами и, как мне кажется, все до одного счастливы. Вот доносится откуда-то молодой мужской голос, вздох рассказывающий кому-то о барбекю и пиве. А вот низкий женский голос зовёт: «Катя!»...

Услышав свое имя, я очнулась от копошащихся внутри вопросов. Но они не прекратились. Я просто осознала, что они – есть. Конец блаженной бездумной беспечности. Я ощутила – мои сомнения стеной отделили меня от себя прежней.

Вера Николаевна потом попыталась мне объяснить это состояние. Она говорила, что Яна человек с более здоровой натурой, у неё свобода проявления желаний не имеет запретов, она, мол, толерантна к своим желаниям, всё себе разрешила, в том числе сексуальные фантазии, и, почувствовав притяжение к яркому персонажу фильма, также дала этому волю. А я как будто бы, испытывая те же желания, – не принимаю их. Я якобы не принимаю и себя, и свои желания, я от них отказываюсь, давлю в себе. От этого-то и психологический неуют. Так сказала Вера Николаевна.

Возвращаюсь как-то домой поздним вечером. Ну не совсем, конечно, поздним, где-то между девятью и десятью вечера. Яна не пошла со мной, у нее – теннис и плавание.

И вот я ковыляю в неудобных босоножках, зачем-то надела их на прогулку. Иду по огромной пустынной площади. Рядом парк. Спасаясь от неровной брусчатки, неудобной для ходьбы на шпильках, нырнула туда. А в парке в этот вечер всё тихо, ни души. Куда-то подевались все эти несуразные стрит-скейтеры, роллеры, которые так меня раздражали своими выкрутасами. Девиц, одержимых селфи, тоже не видно.

Я оказалась перед новой, наспех сколоченной временной сценой к Дню Победы. Смотрю на ряды пластиковых сидений – и с краю перед сценической площадкой неясно виднеется чья-то неведомая тень. Единственный человек в парке. Подхожу ближе, всматриваюсь. Какой-то неопределённый силуэт в мешковатых одеждах. Пригляделась получше – старушка. Серый обвисший плащ на сутулых плечах, нелепая ретро-шляпёнка красного цвета.

Бабульки мне хорошо известны своей склонностью к разговорам и наставлениям, поэтому при встрече с ними я стараюсь улизнуть. Но в этот раз, встревоженная жутковатым безлюдьем парка, я почему-то, наоборот, пробираюсь поближе к силуэту этой незнакомой престарелой женщины, иду вдоль пустынных рядов, убыстряя движение. И чего она там сидит, ведь на сцене-то – никого? «Да устала, вот и сидит, жара спала, а в парке прекрасно дышится», – шепчет мне внутренний голос. Я стараюсь не шелестеть гравием, но безуспешно, подхожу, останавливаюсь в шагах пяти. Зачем я крадусь к этой таинственной фигуре?! Что мне от неё надо? Пожалуй, мне хочется увидеть хоть какое-то человеческое лицо. А она не оборачивается, словно не слыша моих шагов, но я чувствую по каким-то мелким её движениям, по тому, как она повела плечом и чуть повернула голову в своём чудно?м шапокляке, что она почуяла звуки моей приближающейся ходьбы. Мы обе замерли, как будто бы в ожидании, кто заговорит первым. И самое странное, внутри меня зрела какая-то непонятная уверенность, что мы каким-то образом связаны, я знаю, кто она такая и что она знает все мои внутренние сомнения и ждёт моих вопросов. Но я, как назло, будто голоса лишилась. Потом загадочная пожилая женщина встаёт, старенький её плащ чуть распахивается, и под ним мелькает подол красного платья. Я взглянула в её морщинистое лицо, на какое-то мгновение мне оно показалось очень знакомым. Она отворачивается и быстро уходит, исчезнув в темноте боковой аллеи густых деревьев. Я так и не успела определить, кого она мне напомнила. Лишь остался в памяти необъяснимый образ в красном головном уборе, мелькнувший подол красного платья и поникшие усталые плечи. Престранная встреча!..

Тыфу ты, черт! Зачем я сюда забралась?! В обезлюдившие парки часто забредают подозрительные субъекты. Но во мне нет страха – меня гложет тоска.

Пустой остов сцены теперь выглядит для меня как-то фантазмагорически и отталкивающе. Или это закатное солнце придаёт всему такой безнадежный вид. Я из какого-то ненормального любопытства захожу за сцену. Смотрю, ограждения еще не доделаны, а уже поломаны. За сценой – густая стена кустов, мало кому бы вздумалось за нее заглядывать. Повсюду торчит какая-то разодранная арматура, неопрятные жестяные палки, создающие впечатление сломанной и выброшенной за ненужностью бутафории. Все эти конструкции смотрятся дешёвкой, крашеной под металл. Рядом на грязной от утреннего ливня дорожке валяются штыри, мусорные пакеты, в луже плавают окурки. Все это будит неприятное, гадкое чувство, словно бы я шагнула за ограждение – и увидела изнанку мира, попала внутрь искалеченных мёртвых останков чрева, пережившего ампутацию души и ставшего окаменевшим заброшенным муляжом. И мне стыдно за мою гадливость.

Что дернуло меня сюда полезть. Из-за впечатления от увиденного меня охватила такая безнадёга – и настроение скатилось совсем до нуля. Жуткое одиночество проникло в моё сознание и отдалось в теле тупой болью. И солнце, и май, и тепло, и нежные запахи – всё опять отошло на задний план.

Дома. Хорошо, что есть комната, где могу запереться, никто не будет заглядывать в глаза, ждать ответной положительной реакции. В старой квартире не было возможности уединиться, единственную комнату делила с мамой, а в кухне всё время зависал папа, там он оборудовал свой рабочий кабинет, и спал там же, папа ж трудоголик, все ночи просиживал за монитором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/perunova_dar-ya/pautina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)